

Ли Сянфу вдруг ощутил любопытство, сродни кошачьему, и принялся перерывать интернет, вбивая в поиск разные ключевые слова. В итоге он пришел к выводу, что компания, скорее всего, нанимает людей для периодической зачистки сети: о столь известном человеке не было ни любовных сплетен, ни семейных дразг, ни малейших слухов.

Вдруг пискнуло новое уведомление. Он открыл его:

— Что делаешь?

Ли Сянфу невольно вздрогнул, почувствовав себя так, словно на него повесили скрытую камеру. Тем не менее он ответил честно:

— Ищу информацию о том, как ты разбогател.

На том конце сначала высветилось «печает...», но вскоре надпись исчезла, и воцарилось молчание. Похоже, собеседник на мгновение лишился дара речи от такой прямоты.

Прошло две минуты. Когда Ли Сянфу уже решил, что ответа не будет, всплыло новое сообщение:

— Ответ кроется в моем старом доме. Можешь приехать посмотреть.

Ли Сянфу несколько секунд смотрел на экран, затем подошел к Ли Сичуню, который как раз рисовал набросок, и немного замялся, прежде чем позвать:

— Брат.

— А? — Ли Сичунь был занят делом и не поднял головы.

— Господин Цинь уже начал активно за мной ухаживать.

Раздался резкий скрежет — острый кончик карандаша прорвал бумагу, и чертеж был окончательно испорчен.

У Ли Сичуня дернулся уголок рта. Он только собирался что-то сказать, но Ли Сянфу опередил его, показав переписку.

Недоумение на лице Ли Сичуня постепенно сменилось сосредоточенностью, он прищурился:

— Э-э...

В этот момент он подумал, что младшего брата действительно нельзя винить в излишней подозрительности. Лишь помолчав немного, он произнес:

— Это просто вежливость. Если ты ответишь обычным «ок», это будет выглядеть довольно неблагоприятно.

Ли Сянфу счел этот довод разумным и быстро застучал пальцами по клавиатуре. Однако не успел он отправить слова благодарности и вежливого отказа, как собеседник перехватил инициативу.

— Сегодня у меня как раз есть время. В два часа встретимся под мостом в районе Синьнин.

Голос на аудиозаписи звучал немного искаженно, отчего казался не таким холодным и

неприступным, как обычно. Вслед за этим пришло еще одно голосовое сообщение:

— У старого дома очень красивые виды, советую взять с собой фотоаппарат.

Услышав о возможности набрать материала для набросков, Ли Сяньфу сразу же заколебался в своем решении отказать. Он давно не рисовал пейзажи, и это был отличный шанс сделать несколько снимков, чтобы потом использовать их в качестве тренировки перед настоящим выездом на природу.

В итоге он принял решение сам и согласился съездить.

Ли Сичунь сохранял невозмутимый вид, хотя в голове у него все перемешалось. Он решил пока не заводить речь о цветке кактуса, а сперва подняться наверх к отцу и обсудить любовные заблуждения Ли Сяньфу.

Перед его выходом прошел небольшой дождь, но вскоре тучи рассеялись. После многодневной изнуряющей жары наконец-то наступил прохладный день.

Ли Сяньфу дал несколько напутствий Ли Шаше. Тот, не поднимая головы от книги, лишь безучастно кивнул:

— Иди.

На улицах было много прохожих. Еще до того как выйти из такси, Ли Сяньфу заметил через окно прохаживавшегося под пешеходным мостом молодого человека в маске, который держал руки в карманах.

Цинь Цзинь был фигурой известной, и его внезапное появление в общественном месте могло вызвать ненужные толки, поэтому, выходя на улицу, он прибегал к простой маскировке.

Ли Сяньфу вышел из машины и подбежал к нему.

Глядя на приближающегося Ли Сяньфу, Цинь Цзинь слегка шевельнул скрытыми под маской губами — похоже, улыбнулся. Он кивнул в сторону:

— Сначала перейдем дорогу.

Вокруг сновали лишь нелегальные такси, а вдоль обочин толпились мелкие торговцы, которые зазывали покупателей и одновременно настороженно высматривали инспекторов. Ли Сяньфу недоуменно моргнул... И где же здесь красивые пейзажи?

Срезая путь, они прошли через несколько переулков. Старый дом находился на самой окраине этого района. Цинь Цзинь не стал сразу заходить в подъезд, а сперва обогнул здание сзади.

Перед ними мгновенно открылся широкий простор. Впереди простирался пустырь, где некогда буйная зелень из-за засухи пожухла и пожелтела, отчего местность напоминала дикую степь. Вдалеке виднелись очертания многочисленных столбов электропередач и едва различимый силуэт горы, вершина которой белела снегом.

Эти разрозненные, ничем не примечательные детали складывались в единый суровый и величественный пейзаж.

Ли Сяньфу невольно сделал пару шагов вперед:

— Странно, что эту землю до сих пор не застроили.

В их мегаполисе почти не осталось уголков с первозданной, нетронутой природой.

— Прохлады ради застройщики никак не договорятся по контракту, — спокойно ответил Цинь Цзинь. — Потенциал старой промышленной зоны исчерпали еще несколько лет назад, развития здесь нет, поэтому проект строительства жилья так и остался замороженным.

Ли Сяньфу достал фотоаппарат, но сделанные снимки его не впечатлили. Он понял, что ракурс нужно ловить с высоты.

Цинь Цзинь предложил:

— Поднимемся наверх, моя квартира на четвертом этаже.

Дверь в подъезд была старой, деревянной, а стены внутри покрывали облупившаяся штукатурка и граффити. Хотя в будущем этот район могли снести, для Цинь Цзиня компенсация за снос одной квартиры ничего не значила. Ли Сяньфу предположил, что тот до сих пор не продал жилье лишь потому, что хранил здесь дорогие сердцу воспоминания.

Это предположение мгновенно рассеялось, стоило им открыть дверь.

На стене в гостиной висел покрытый пылью семейный портрет.

На снимке была запечатлена семья из четырех человек. Цинь Цзиню на вид было не больше семнадцати-восемнадцати лет, в его облике еще угадывалась юношеская угловатость. В юности он был больше похож на мать — такой же утонченный и холодный.

Рядом, чуть пониже ростом, стояла, должно быть, упомянутая Цинь Цзинем его младшая сестра Цинь Цзяюй. Брат и сестра совсем не походили друг на друга. У Цинь Цзяюй на щеке была ямочка, и ее улыбка казалась необыкновенно теплой.

У Ли Сяньфу не было желания лезть в чужие семейные дела. Раз семейное фото оставили в заброшенном доме, а в интернете о его родственниках не найти ни крупицы информации, дела здесь, вероятно, обстояли непросто.

Войдя в квартиру, Цинь Цзинь даже не взглянул на портрет. Он сразу прошел на балкон. Остекления там не было, но парапет оказался достаточно высоким, чтобы на него удобно было опереться локтями и смотреть вдаль.

Ли Сяньфу подошел ближе и поднял камеру. На этот раз снимки вышли безупречными.

Сделав пять-шесть кадров с разных ракурсов, он наконец вернулся к теме, которую они обсуждали в переписке:

— Насчет того, как ты начинал свое дело...

Цинь Цзинь повернулся, на миг прикрыл глаза, а затем посмотрел на висевший на стене портрет:

— Ответ висит прямо там.

Сам по себе снимок имел лишь сентиментальную ценность. Ли Сяньфу немного подумал и спросил:

— Из-за семьи?

В голосе Цинь Цзиня прозвучала горькая усмешка:

— Мой стартовый капитал — это компенсация за гибель родителей в авиакатастрофе.

Ли Сяньфу отвел взгляд от фотографии и в недоумении повернулся к нему.

Он строил разные догадки: думал, что Цинь Цзинь хотел обеспечить родных, продолжить дело отца или доказать что-то родителям наперекор их воле... Но он и представить себе не мог, насколько трагичной была правда.

— А твоя сестра?..

Солнце внезапно проглянуло сквозь тучи, и последняя дождевая капля на балконе мгновенно испарилась. Вместе с ней из взгляда Цинь Цзиня улетучилась и вспышка сильных чувств. Лишь спустя долгое время он медленно произнес:

— Она ушла из дома.

Ли Сяньфу ненадолго замолчал, а затем тихо попытался его утешить:

— Теперь ты добился успеха. Рано или поздно ты найдешь своих близких.

Цинь Цзинь ничего не ответил.

Они молча постояли какое-то время. Угол падения солнечных лучей изменился, и Ли Сяньфу не удержался, сделав еще несколько кадров, передающих иное настроение.

Все это время Цинь Цзинь молчал. Убедившись, что Ли Сяньфу закончил съемку, он предложил уходить.

В тот миг, когда дверь закрылась, семейный портрет превратился в крошечное пятно, а затем и вовсе остался запертым в опустевшей квартире.

В доме семьи Ли.

Ли Шашу отправили читать книги наверх, а старик Ли с сыновьями обсуждали дела внизу.

— Мы сошлись на том, что пусть он пока заблуждается. Как раз намечается творческая поездка, пусть съездит развеется.

Старик Ли весь день ходил хмурый.

Ли Хуайчэнь, который вернулся из офиса раньше обычного, закрыл глаза и добавил:

— К тому же тогда его мозг сильно пострадал. Врачи настоятельно не рекомендовали подвергать его лишним потрясениям.

Рассказать все сейчас — значит лишь напугать его и лишить покоя.

Когда Ли Сяньфу вернулся домой, напряженная атмосфера в гостиной была почти осязаемой.

При его появлении все тут же замолчали.

Ли Сяньфу пристально оглядел присутствующих. Постояв на месте, он немного подумал и спросил:

— Отец, ты тоже в курсе?

Старик Ли сначала опешил от его слов, а затем с досадой покачал головой: этот сын вечно проявлял проницательность тогда, когда не следовало.

Потерев переносицу, он решил уйти от сути:

— Насчет Цинь Цзиня можешь не переживать. В наше время договорные браки между семьями давно вышли из моды.

Человек, чье слово в семье было законом, высказался, однако Ли Сяньфу вдруг затих.

— Папа, — позвал он после долгого молчания, и в его голосе прозвучала целая гамма сложных чувств.

Старик Ли поднялся и похлопал его по плечу:

— Не волнуйся, никто не заставит тебя приносить бессмысленные жертвы.

Выражение лица Ли Сяньфу сделалось еще более странным:

— Вы ведете себя как-то не так.

Старик Ли не выдержал и усмехнулся:

— А как надо? Упаковать тебя и лично отвезти к нему?

Ли Сяньфу отступил на шаг и перевел взгляд с одного на другого:

— Вы все ведете себя странно.

— У тебя часом не жар? — Ли Сичунь с беспокойством протянул руку, собираясь потрогать его лоб.

<http://bllate.org/book/18300/1756941>